Изъ разсказовъ старушки о Твери *).

Былъ еще во времена Петра Великаго, какъ бабушка мнѣ сказывала, большой голодъ въ Твери, при головѣ Яньковскомъ. Въ ту пору государь изволилъ ѣхать изъ Петербурга въ Воронежъ. Подъѣхалъ онъ къ Волгѣ—перевозъ есть, а моста нѣтъ. Стоятъ на берегу бабы съ разсадой; царь и спрашиваетъ ихъ: «Почемъ, бабы, разсада?»—«Да что, батюшка, ваше царское величество, разсада-то денежка, да перевозъ полушка.» Царь говоритъ: «подать сюда голову!»—Прибѣгаетъ голова; царь и накинулся на него: «Почто, говоритъ, моста нѣтъ?» Тотъ отозвался, что денегъ нѣтъ. Приказалъ царь деньги выдать и отдалъ приказъ, чтобы мостъ былъ готовъ, когда онъ вернется изъ Воронежа. Вернулся Петръ, подъѣхалъ къ Волгѣ,—опять на ней перевозъ, а не мостъ. Разсердился царь не на шутку; потребовалъ голову: «Чтожъ ты, спрашиваетъ, моста не построилъ»?—Батюшка, ваше царское величество, что станешь дѣлать? —и деньги теперь есть, и матеріалъ есть, да ума нѣтъ,—а голова-то былъ плѣшивъ.—Царь подозвалъ его поближе, поплевалъ на ладонь, да какъ ударитъ по лысинѣ: «Вотъ, говоритъ, коли у тебя ума нѣтъ, такъ я тебѣ его прибавлю.» И приказалъ выписать какого-то строителя, чтобы непремѣнно мостъ черезъ Волгу хорошій поставили.

---

*) Перепечатано изъ Учено-Литературнаго прибавленія къ Биржевымъ Вѣдомостямъ, сентябрь 1866 г. кн. VI. Отд. II. Литература стр. 1—4. Изъ разсказовъ старушки (Свѣтогоровой) о Твери. С—ій.

Погода въ ту пору случилась ненастная; дороги были плохія; царю захотѣлось отдохнуть въ Твери. Остановился онъ въ домѣ именитаго купца Алексѣя Григорьевича Арефьева; домъ его и теперь еще стоитъ неподалеку отъ набережной въ переулкѣ. Тутъ государь изволилъ кушать и ночевать. А подавали ему за обѣдомъ любимое его кушанье, жареную утку съ солеными лимонами, и угощали взваромъ. Взваръ этотъ приготовлялся такъ: брали пива, брусники, клюквы, клали туда же меду и стручекъ перцу и потомъ все вмѣстѣ наливали въ кандейки [1]), запечатывали или замазывали, да въ печь ставили.

Царю взваръ очень понравился; кушалъ онъ его изъ серебрянаго своего ковша, съ орлами и съ надписью вокругъ, да послѣ на память ковшъ-то и подарилъ Арефьеву.

Алексѣй Григорьевичъ хорошій былъ человѣкъ, царь его очень жаловалъ, оттого и кушать у него изволилъ и ночевать, что ужъ очень былъ тотъ до народу хорошъ. Во время голода онъ ежедневно кормилъ до 500 человѣкъ, да еще каждому по пяти копеекъ давалъ. А голодъ-то страшный былъ: ни ржаной, ни яровой хлѣбъ не уродился; народъ просто гибнулъ. Про Арефьева все говорили, что ему по ночамъ змѣй деньги носилъ: столько онъ ихъ роздалъ въ то время. Царь ему за это благодарный листъ прислалъ, что по теперешнему рескриптъ значитъ, и листъ этотъ хранится въ бумагахъ семейскихъ у потомковъ Арефьева.

---

[1]) Родъ высокаго горшка съ узкимъ горломъ.

А это было уже на моей памяти. Въ 1808 г. въ Тверь пріѣхала на житье великая княгиня Екатерина Павловна, съ принцемъ—супругомъ, котораго государь Александръ Павловичъ назначилъ генералъ-губернаторомъ надъ тремя губерніями, Тверскою, Ярославскою и Новгородскою. Поселились они въ тверскомъ дворцѣ. Великая княгиня была изъ себя красавица: темноволосая, съ темносиними глазами, бѣлая и скоро говорила. Ее очень любили за обходительный нравъ. Часто она давала балы во дворцѣ и одинаково привѣтливо принимала и дворянина, и купца, и даже молоденькаго офицера; просила, чтобы всѣ веселились у нея безъ чиновъ. Это была любимая сестра Александра Павловича, и онъ нерѣдко гащивалъ у нея въ Твери недѣли по три. При немъ особенно веселились. Въ пасху было заведено, чтобы послѣ обѣдни шли во дворецъ; великая княгиня христосовалась съ каждымъ и каждому яйцо давала. По-русски говорила она отлично. Въ ту пору губернаторша была Ушакова; та какъ-то и скажи въ обществѣ: «странно, право, слышать какъ великая княгиня хорошо русскимъ языкомъ владѣетъ»; а у княгини-то была любимая фрейлина Арсеньева, она и передай ей слова Ушаковой. На первомъ же выходѣ, великая княгиня подошла къ ней и говоритъ: «удивляюсь, Варвара Петровна, что вы страннаго нашли, что я, русская, говорю хорошо по-русски?»

Ко дню ангела Екатерины Павловны все тверское общество купцовъ выписало изъ Парижа голубое, вышитое креповое платье и поднесло его ей въ подарокъ. Та приняла платье, очень благодарила и сказала, что надѣнетъ его, если государь пріѣдетъ.

Александръ Павловичъ прикатилъ прямо къ балу. Въ то время матушка моя еще не была представлена ему. Входитъ въ залу, и великая княгиня и подводитъ ее къ государю: «это вы госпожа Свѣтогорова, сказалъ онъ матушкѣ (онъ ее и послѣ всегда такъ называлъ): очень радъ имѣть удовольствіе съ Вами познакомиться. Благодарю васъ, что сестру бережете,» и руку ей подалъ. Государь съ матушкою часто разговарилъ, потому что дѣдушка мой служилъ тогда въ Твери головой и былъ очень жалованъ великою княгинею.

Тверскія окрестности очень нравились Александру Павловичу; особенно полюбился ему видъ въ селѣ Каменкѣ, что въ 20 верстахъ отъ города, по волоколамской дорогѣ. Какъ-то онъ и говоритъ матушкѣ: «Прекрасныя у васъ мѣста около Твери, госпожа Свѣтогорова!» А она ему на это: «Съ тѣхъ поръ какъ вы у насъ, ваше величество, всѣ мѣста стали краше»—«Полноте, пожалуйста, отвѣчалъ онъ съ улыбкою, мнѣ лесть и въ Петербургѣ надоѣла, зачѣмъ ее вводить въ Твери».

Разъ государь отправился, по обыкновенію съ утра, на дрожкахъ, въ одну лошадку, за городъ и запоздалъ. Екатерина Павловна сѣла завтракать безъ него. Кончила она завтракъ, а государь все не ѣдетъ. Тутъ она не выдержала: день-то былъ жаркій, вышла изъ дворца въ одномъ платьѣ, взошла по лѣстницѣ на крѣпостный валъ [1]) и сѣла на ступенькѣ ждать

[1]) Изъ имѣющагося плана города Твери въ эту эпоху видно, что вся часть города, заключающая въ себѣ соборъ и дворецъ, обнесена была валомъ съ двумя воротами и двумя мостами при нихъ, перекинутыми черезъ глубокій ровъ. Въ этой оградѣ стоялъ и домъ коменданта, на обязанности

брата. Много ли времени прошло, не знаю, подъѣхалъ государь къ крѣпостнымъ воротамъ, а она, моя голубушка, и стала ему сѣтовать. Онъ обнялъ ее, поцѣловалъ, да и говоритъ съ улыбкою: «Неужто ты думала, сестра, что со мной въ Твери можетъ что случиться».

Въ 1809 году давали въ Твери государю и великой княгинѣ балъ. Это было 4-го іюля; погода стояла отличная, вокзалъ [1]) отдѣлали на славу. Стѣны бесѣдки обили французскимъ, цѣльнымъ штофомъ и убрали ее всю цвѣтами. Померанцовыя, лимонныя деревья въ кадкахъ выписали изъ Москвы, а дубы перевезли изъ Кашина и Зубцова, да такъ рядами и поставили. Хрустальный столовый сервизъ, въ золотой оправѣ, дорогіе фрукты, конфекты, вина, все было выписано изъ столицъ. Государь, съ великой княгиней и съ придворными пріѣхали изъ дворца, по Волгѣ на яхтѣ; за ними плыли лодки съ музыкантами и съ пѣсенниками изъ мѣщанъ. Какъ только государь взошелъ на берегъ, матушка моя Анна Петровна Свѣтогорова съ поклономъ подала ему на серебряномъ подносѣ шампанское въ петровскомъ ковшѣ, о которомъ я выше говорила.

Музыка заиграла польскій, и государь открылъ съ нею балъ. Матушка моя была въ сарафанѣ, вышитомъ жемчугомъ, да и всѣ прочія дамы пріѣхали въ русскомъ платьѣ. Послѣ государя, Коленкуръ повелъ

котораго лежало хранить ключи крѣпости. Валъ со рвомъ шелъ отъ того мѣста, гдѣ теперь плашкоутный мостъ, наискось пересѣкалъ Милліонную и на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ домъ дворянскаго собранія, поворачивалъ вправо, къ рѣкѣ Тьмакѣ.

[1]) Небольшая роща на берегу Волги, у окраинъ которой стоитъ теперь полуразрушенная каменная бесѣдка, въ то время построенная.

въ польскомъ матушку, а Александръ Павловичъ взялъ Толстую. Ходили они по аллеямъ рощи. Мнѣ тогда лѣтъ 16 было. Какъ теперь, гляжу на Коленкура. Высокій, бѣлый, изъ себя просто красавецъ. Волосы у него были нѣсколько рыжеватые, и онъ больше походилъ на англичанина, чѣмъ на француза. У него была очень пріятная улыбка и онъ ловко танцовалъ. Императору балъ очень полюбился. Онъ танцовалъ со многими дамами, съ княгинею Волконскою, Татищевою, Ушаковою... ужъ и не припомню, право, еще съ кѣмъ.

Въ свитѣ его пріѣхали Аракчеевъ, Уваровъ и много другихъ; всѣ очень веселились. Когда стемнѣло, зажгли всюду иллюминацію, а по ту сторону Волги, прямо насупротивъ бесѣдки, пустили великолѣпный фейерверкъ; тамъ же горѣлъ щитъ съ вензелемъ государя и великой княгини. Александръ Павловичъ былъ чрезвычайно веселъ. «У тебя тутъ, сестра, говорилъ онъ Екатеринѣ Павловнѣ, маленькій Петергофъ». Народу на этомъ праздникѣ было нивѣсть что: изъ деревень пришли, съѣхались помѣщики со всей губерніи. Угощеніе лилось рѣкою. Веселились до пяти часовъ утра, и назадъ отправились опять по Волгѣ, въ лодкахъ, съ музыкою и съ пѣснями.

Въ 1810 г., въ самый Духовъ день, великая княгиня Екатерина Павловна назначила балъ у себя во дворцѣ. Погода стояла жаркая: къ полудню налетѣла туча и разразилась сильная гроза. Въ то время на балы-то съѣзжались не по-нынѣшнему—въ 7 часовъ уже всѣ на лицо, и великая княгиня выходила изъ своей уборной. Моя матушка страхъ какъ боялась грозы: она и опоздала. Вышла въ залу и сѣла въ сто-

ронѣ. Вдругъ императоръ прямо къ ней: «отчего вы опоздали, госпожа Свѣтогорова?» Матушка встала и говоритъ: «у всенощной была, Ваше Величество.» Государь улыбнулся, взялъ ее за плечи и посадилъ; потомъ обратился къ старухѣ Арефьевой и спрашиваетъ ее: «хорошъ ли я себѣ домикъ выстроилъ?» а дворецъ только что передъ баломъ заново отдѣлали. «Да что, батюшка, говоритъ ему Арефьева, вѣдь бабушкинъ старенькій починили; чай, дешевле обошлось, чѣмъ весь новый-то поставить». Государь не отвѣчалъ...